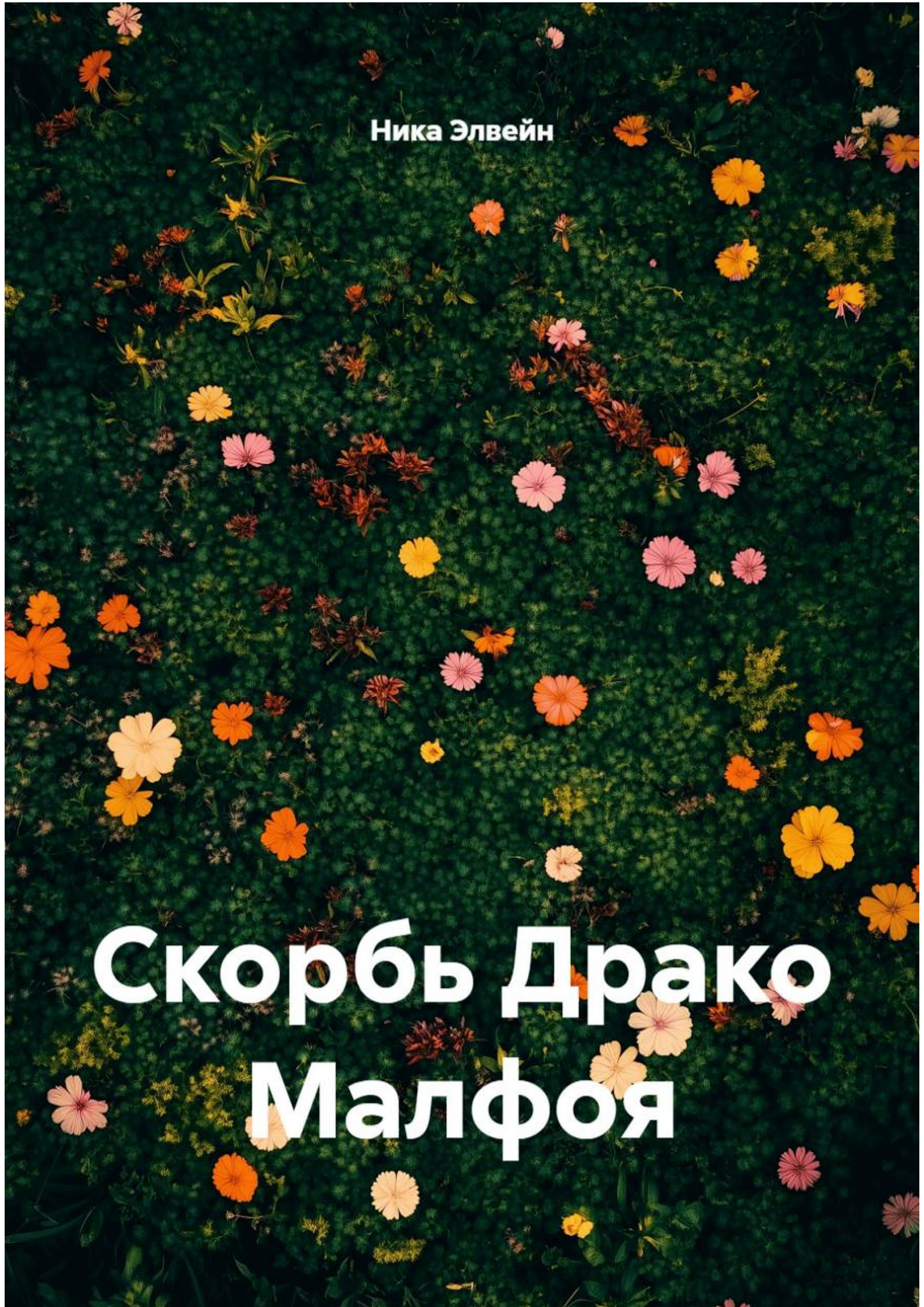

Ника Элвейн

Скорбь Драко Малфоя

Ника Элвейн

Скорбь Драко Малфоя

«Автор»

2026

Элвейн Н.

Скорбь Драко Малфоя / Н. Элвейн — «Автор», 2026

Шутливое начало серьезного конца. Данный рассказ с интригующим эпилогом начинает цикл запутанных взаимоотношений Драко и Гермионы.

© Элвейн Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Миона	6
I	8
II	10
III	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ника Элвейн

Скорбь Драко Малфоя

Скорбь Драко Малфоя
Ника Элвейн

Миона

фанфик по вселенной «Гарри Поттера»

За окном моего кабинета в очередной раз темнеет над шпилями Хогвартса — вид, который я застал ещё мальчишкой и который теперь, годы спустя, отчего-то ранит куда сильнее, чем в детстве. Перо давно замерло над недописанным письмом Министерству, чернила подсыхают на кончике, а я всё смотрю в стекло, за которым облака цепляются за башни замка, и думаю о том, как несправедливо устроена память: она держит именно то, что причиняет боль, и охотно отпускает всё остальное.

На каминной полке, рядом с розовым кустом моей матери, стоит маленькая колдография в потускневшей серебряной рамке. Сердце — глупый, немодный орган, которому давно следовало бы очерстветь после всего, что мне довелось пережить, — каждый раз болезненно сжимается, стоит мне задержать на ней взгляд дольше положенных нескольких секунд. Я не сразу признался себе, что нарочно выбираю для писем Министерству именно это кресло — то, из которого рамку видно без усилий, стоит лишь поднять глаза.

Иногда, в особенно тихие вечера, когда прислуга давно спит, а мать удалилась к себе, я позволяю себе роскошь, в которой ни за что не признался бы ни Забини, ни Пэнси, ни даже собственному отражению в зеркале при свете дня: беру рамку в руки, сажусь у камина и просто смотрю, позволяя памяти вести меня, куда ей вздумается. Память в такие вечера неизменно ведёт в одно и то же место — в весенний сад, где пахло розами и свежескошенной травой, в библиотеку, где на подоконнике грелся под лучами закатного солнца грациозный силуэт, в спальню, где единственным звуком было мерное, чуть хрипловатое дыхание где-то в районе моего плеча.

Есть в моей памяти особенно тёплые времена — весенние вечера, когда солнце ещё не спешило садиться, а воздух в поместье густел ароматами роз; зимние ночи у камина, когда единственным звуком в доме было потрескивание поленьев да моё собственное дыхание. Тогда мне казалось, что так будет всегда. Тогда я ещё не знал, что время, в отличие от людей, не умеет быть верным никому — оно берёт всё, что ему причитается, и не спрашивает разрешения.

Говорят, место того, кто ушёл, невозможно занять кем-то другим — сколько ни пытайся, сколько ни подбирай похожих слов, похожих жестов, похожего тепла под ладонью. Я долго считал эту мысль сентиментальной чепухой, пригодной разве что для дешёвых любовных романов, которые тайком читает прислуга. Теперь я знаю: это чистая правда, без всякой красоты. Некоторые становятся твоим маленьким миром, который ты, сам того не замечая, начинаешь трепетно оберегать от всех остальных: от чужих взглядов, от чужих суждений, от самой возможности, что кто-то однажды посмеет назвать это глупостью. Ты закрываешь дверь этого мира на ключ и носишь ключ при себе, не признаваясь даже самым близким людям, что где-то в глубине души он вообще существует.

Полного имени я не произносил ни разу за все годы, что мы были рядом. Слово это — тяжёлое, с рокошующим «р» посередине, будто нарочно придуманное, чтобы им можно было гордиться в анкете и раздражать окружающих в разговоре, — вызывало во мне что угодно, кроме нежности. У меня были причины, и их было ровно семь лет обучения в школе, где обладательница этого имени с завидной регулярностью портила мне репутацию, оценки и, чего греха таить, самомнение. Поэтому я обходился укороченной, домашней версией — Миона, — которая звучала мягче, теплее и не тянула за собой шлейф библиотечных подшивок и вечно поднятой на уколах руки.

Ирония была в том, что чем короче я делал имя, тем настойчивее оно ко мне липло — и тем очевиднее становилось, кому на самом деле принадлежит.

I

Ника Элвейн — «Скорбь Драко Малфоя»

Появилась она в моей жизни в один из самых тусклых периодов — третий год после войны, когда я, по выражению матери, «наконец перестал шарахаться от совиной почты», а наша фамилия ещё вполне уверенно ассоциировалась в обществе с чем-то средним между чумой и дурным анекдотом. Одиночество в такой ситуации быстро перестаёт быть добродетелью и превращается в диагноз, а диагнозы, как известно, лечат — кто зельем, кто путешествием, кто, на худой конец, чьим-то молчаливым присутствием в доме.

Мать привезла её после одной из своих поездок, отрекомендовав до обидного коротко:

— Кажется, она серьёзно больна, и, судя по всему, даже нема. Будет жить у нас, Драко.

И не спорь.

Тоном, каким обычно объявляла о смене портьер в гостиной, — не терпящим возражений и не предполагающим уточняющих вопросов. Подробностей я тогда не выяснял: после войны в нашем кругу подобные истории — раненые, безымянные, обходящиеся без объяснений и документов, — никого особенно не удивляли и уж точно не поощряли задавать лишние вопросы; мне и без того хватало сил ровно на то, чтобы не срываться на прислугу, а уж тем более не устраивать сцен из-за очередного матушкиного каприза.

Она вошла в гостиную с видом брезгливого одолжения — так надменные дальние родственницы осматривают скромный ремонт в доме менее удачливой родни, — задержала взгляд на каминной решётке, скользнула мимо протянутой руки матери, обошла кресло по широкой дуге, будто оценивая его на пригодность, и наконец опустилась в него сама, устроившись с таким видом, точно кресло всегда было её законной собственностью, а мы все — временными постояльцами в собственном доме.

Волосы у неё были растрёпанные, каштановые, с рыжеватым, чуть медовым отливом на свету — как у человека, который в принципе не признаёт расчёску из принципа, а не по забывчивости. Глаза — того же тёплого, чуть карамельного оттенка, слегка раскосые, с неприятно узнаваемым прищуром: так смотрят люди, заранее уверенные, что вы обязательно окажетесь хуже, чем притворяетесь.

— Характер, — сказал я вслух, ни к кому особо не обращаясь.

Мать улыбнулась одними уголками губ — фамильная малфоевская улыбка, означающая «я всё предвидела заранее» — и вышла, оставив нас знакомиться самостоятельно.

Она не проронила ни звука ни в тот вечер, ни в следующий, ни через неделю. Первое время это тревожило меня больше, чем хотелось бы признавать: я ловил себя на том, что специально заговариваю с ней чаще обычного — о погоде, о прочитанной статье, о совершенно неважных вещах, — лишь бы услышать хоть что-то в ответ. Ответа не следовало никогда. Только взгляд — внимательный, чуть насмешливый, как будто она прекрасно понимала каждое слово, но находила ниже своего достоинства утруждать себя очевидными репликами.

Первые недели дались нам обоим нелегко. Она сторонилась любых резких движений, вздрагивала от громкого смеха матери, доносившегося с первого этажа, и предпочитала держаться поближе к дверям — так, будто в любой момент готова была сорваться и уйти, если что-то пойдёт не так. Я узнавал в этой настороженности что-то до боли знакомое — то же самое чувство, с которым я сам возвращался в общество после войны, готовый в любую секунду ожидать удара, даже когда никто не замахивался.

— Никто тебя здесь не обидит, — сказал я ей однажды, застав её съёжившейся в углу гостиной после особенно громкого спора матери с поверенным по поводу земельных границ поместья. — Обещаю.

Она подняла на меня взгляд — тот самый, оценивающий, будто взвешивающий каждое слово на невидимых весах, — и, к моему удивлению, не отступила, а, наоборот, сделала несколько осторожных шагов навстречу, пока не оказалась достаточно близко, чтобы я мог, если бы захотел, коснуться её плеча. Я не стал. Мне хватило одного этого шага, чтобы понять — доверие, если оно вообще возможно между нами, придётся заслуживать медленно, шаг за шагом, без права на ошибку.

II

Ника Элвейн — «Скорбь Драко Малфоя»

Полного имени я не произнёс с самого начала. Когда домовик Кричер — доставшийся нам по каким-то запутанным наследственным делам ещё с блэковской ветки и настоявший на переезде в Малфой-мэнор вместе с частью семейного серебра — спросил, как обращаться к новой обитательнице дома, я буркнул, не поднимая головы от «Пророка»:

— Миона. Просто Миона.

Кричер посмотрел на меня взглядом, отточенным, кажется, ещё при обучении у Вальбурги Блэк, — взглядом, безошибочно считывающим, когда молодой хозяин делает вид, что не понимает очевидного, — но спорить не стал.

Слово «Гермиона» я не выносил на дух задолго до того, как обзавёлся поводом произносить его снова каждый день. Для меня это было чем-то вроде технического термина — вроде латинского названия сорняка, который назло всем усилиям садовника прекрасно приживается именно там, где его меньше всего ждут, — и вызывало в памяти исключительно неприятные, почти телесные ощущения: указующий палец профессора МакГонагалл, торжествующий блеск значка старосты и, куда уж без этого, совершенно неуместное чувство унижения от удара кулаком в шестнадцать лет, которое я, к слову, полностью заслужил и предпочитал не вспоминать вслух ни при каких обстоятельствах.

Так что когда я вечерами обращался к ней коротким «Миона», я предпочитал думать, что просто придумал ей удобное домашнее прозвище. Мысль о том, что я на самом деле каждый день произношу сокращённую версию имени человека, которого искренне и продуктивно ненавидел семь лет подряд, я гнал от себя со всей возможной решимостью — примерно с тем же успехом, с каким Кричер гнал докси из старых портьер: они всё равно возвращались, стоило отвернуться.

Иногда, впрочем, ловил себя на странном ощущении — будто само имя, укороченное, домашнее, приросло к ней куда надёжнее полного. Будто «Миона» была не сокращением, а её собственным, изначальным именем, а «Гермиона» — той версией, что существовала где-то далеко, в другой, чужой мне жизни, к которой я не имел никакого отношения и знать о которой не желал.

Мать, к слову, полного имени никогда не одобряла — не из-за очевидных ассоциаций, о которых она, разумеется, знать не могла, а из чистого эстетического чувства.

— «Миона» звучит теплее, — заметила она как-то за ужином. — Не понимаю, зачем вообще нужны были бы полные имена, если сокращённые звучат приятнее слуху.

Я тогда ничего не ответил, лишь молча улыбнулся в бокал, думая о том, насколько мать была права и одновременно насколько далека от истинной причины моего выбора.

III

Ника Элвейн — «Скорбь Драко Малфоя»

Весна в тот год выдалась ранняя — розы в саду Малфой-мэнора распустились едва ли не на две недели раньше обычного, и мать, не упускавшая случая гордиться собственным садом перед немногочисленными гостями, распорядилась, чтобы садовые эльфы особенно тщательно ухаживали за той частью парка, что тянулась вдоль южной стены, к старой беседке.

Именно туда я и повёл Миону в один из тех вечеров, когда воздух был настолько тёплым и густым, что казался почти съедобным, — не то чтобы у меня был какой-то определённый план, скорее просто необъяснимое желание, чтобы она увидела этот сад именно сейчас, в его лучшие, самые щедрые на цвет недели.

Она шла рядом со мной по гравийной дорожке неспешно, чуть впереди, то и дело останавливаясь у очередного куста — не из вежливости, а с тем неподдельным, почти детским интересом, который так редко встречается у взрослых людей, давно разучившихся удивляться простым вещам. Розы в тот год цвели особенно ярко — глубокого, почти кровавого алого оттенка, — и Миона задерживалась у каждого куста дольше, чем требовали приличия, склоняясь к самым распустившимся бутонам и подолгу вдыхая их аромат с закрытыми глазами, будто ничего важнее в целом мире для неё в этот момент не существовало.

Я старался не смотреть на неё слишком откровенно — привычка, въевшаяся ещё со школьных времён, когда любое проявление интереса моментально становилось поводом для насмешек, — но получалось плохо. В такие моменты, когда она забывала о моём присутствии, забывала о собственной неприступности и просто позволяла себе быть счастливой над очередным алым бутоном, я ловил себя на том, что наблюдаю за ней с каким-то совершенно неуместным, почти благоговейным восхищением. Было в этом что-то настолько незащищённое, настолько настоящее, что мне становилось почти стыдно подглядывать — и вместе с тем невозможно отвести взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.